

Рес сияри

гордон

корман

ВОТ ЭТО
КНИГА!

11^{от}
до 14

Вот это книга!

Гордон Корман

Рестарт

«Розовый жираф»

2017

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7Сое)-44

Корман Г.

Рестарт / Г. Корман — «Розовый жираф», 2017 — (Вот это книга!)

ISBN 978-5-4370-0270-4

Чейз не помнит, зачем он полез на крышу, как и почему с нее упал. Просто в один прекрасный день он очнулся в больничной палате среди абсолютно незнакомых людей: мамы, брата, врача – и узнал от них, что его зовут Чейз Эмброз. Все, что произошло с ним за тринадцать лет жизни, словно корова языком слизала. Теперь ему предстоит узнать, что он за человек. Что любит, с кем дружит, как к нему относятся окружающие... И тут его ждет не самое приятное открытие: для одних школьников он герой, капитан суперуспешной футбольной команды, а для других – исчадие ада, ненавистный мучитель, бессовестный и жестокий. Но так ли важно, кем был Чейз Эмброз? Гораздо важнее понять, кто он сейчас и кем станет в будущем

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-4370-0270-4

© Корман Г., 2017
© Розовый жираф, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Гордон Корман

Рестарт

Copyright © 2017 by Gordon Korman. All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA

© Д. Карельский, перевод, 2019

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

Глава первая

Чейз Эмброз

Помню, как я летел.

Или думаю, что помню – просто потому, что знаю, что упал с крыши.

Зелень лужайки сначала далеко-далеко. А потом – раз! – и совсем близко.

Кто-то пронзительно вопит.

Постой – это не кто-то, это я!

Я уже готов грохнуться о землю. Но вместо этого все просто берет – и *перестает быть*.
Солнце меркнет. Мир вокруг исчезает. Я вырубаясь, как выключенный прибор.

Это значит, что я умер?

Сразу и не поймешь.

Свет люминесцентных ламп отвратительно режет глаза. Я что есть сил жмурюсь, но это не помогает – глазам все равно больно.

Со всех сторон оживленный гул голосов – куча народу явно чего-то долго ждала и вот наконец дождалась.

– Очнулся...

– Позовите врача...

– А говорили, что он больше никогда...

– Чейз, милый...

– Доктор!

Я хочу посмотреть, кто тут рядом со мной, но адский свет выедаёт глаза. Я так и сяк отворачиваюсь от него, отчаянно моргаю. При этом у меня болит абсолютно всё, сильнее всего шея и правое плечо. Понемногу взгляд все-таки фокусируется, и я начинаю различать людей, тех, кто стоят и сидят вокруг. Сам я лежу под простыней – такой белоснежной, что отраженный ею свет делает еще больнее глазам. Прикрыть лицо ладонью не дают трубки и провода – я весь ими опутан. На указательный палец надета пластмассовая прищепка, соединенная проводком с ящиком, который пищит и мигает рядом с моей кроватью. Тут же возвышается стойка с капельницей.

– Ах, слава богу! – задыхается от радости склонившаяся надо мной женщина. Теперь я вижу: у нее длинные темные волосы, на носу очки в толстой черной оправе. – Когда мы тебя нашли, ты лежал совсем...

Договорить она не может, потому что начинает рыдать. Парень намного моложе ее обнимает женщину за плечи.

Тут в палату врывается врач в белом халате.

– С возвращением, Чейз! – говорит он и отцепляет от изножья кровати планшет с моей историей болезни. – Как себя чувствуешь?

Как я себя чувствую? Так, будто меня превратили в громадную отбивную. Но это еще не самое плохое. Гораздо хуже мне от того, что я ничего не понимаю.

– Где я? Почему я в больнице? Кто вы все?

Женщина в очках перестает плакать и взволнованно отвечает:

– Чейз, лапушка, это я. Твоя мама.

Мама? Она что, думает, я собственную мать не узнаю?

– Да я вас первый раз в жизни вижу, – огрызаюсь я. – Моя мама... Моя мама, она...

Но не тут-то было. Вызвать из памяти образ матери не получается.

Так же напрасно я пытаюсь вспомнить отца, своих друзей и школу.

Ощущение совершенно дурацкое. Я прекрасно помню, что такое вспоминать, но не могу ничего вспомнить. В памяти пустота. Я как компьютер, у которого потеряли жесткий диск: если его перезагрузить, операционная система нормально запустится, но ни одного документа или файла на таком компьютере не открыть.

Я не помню даже своего собственного имени.

– Чейз – это меня так зовут? – спрашиваю я.

Другие мои вопросы вызвали озадаченное перешептывание, а сейчас все испуганно замолкают.

Мой взгляд падает на планшет в руках у врача. На его обратной стороне написано: «Чейз Эмброс».

Кто же я такой?

– Зеркало! – кричу я. – Дайте мне зеркало!

– С этим, наверно, лучше подождать, – ласково говорит врач.

Вот только его ласковых уговоров мне теперь и не хватало.

– Быстро зеркало!

Женщина, которая называет себя моей мамой, роется в сумочке и протягивает мне пудреницу.

Я беру, открываю, сдуваю с зеркальца пудру.

Из него на меня смотрит незнакомое лицо.

Доктор Куперман говорит, что у меня амнезия. Тяжелая ретроградная амнезия – такая болезнь, когда не помнишь ничего из того, что произошло до какого-то события. Для меня таким событием стал полет с крыши.

– Я знаю, что такое амнезия, – отвечаю я доктору. – Но как так получается, что я помню это ученое слово, но забыл собственное имя? Не помню родителей? Не понимаю, как я вообще очутился на крыше?

– Про крышу все просто, – встречается парень; мне тут же объясняют, что это мой старший брат, что зовут его Джонни и он приехал из университета на каникулы. – У тебя в комнате есть слуховое окно. Сколько тебя помню, ты любил лазать через него на крышу.

– И меня не предупреждали, что я могу свернуть себе шею?

– Сначала предупреждали, – говорит моя мать. – А когда тебе исполнилось шесть, я решила, что раз ты до сих пор не свалился, то теперь точно не свалишься. Ты был такой спортивный...

– Амнезия – штука загадочная, – продолжает объяснения доктор. – Особенно если она, как у тебя, наступила в результате травмы. Мы пока еще плохо знаем, за какие жизненные функции отвечает та или иная область мозга. У одних пациентов теряется долговременная память, у других – кратковременная. Третьи утрачивают способность переносить информацию из долговременной в кратковременную. У тебя, по всей видимости, стерлось из памяти только то, что касается твоей личности и событий твоей жизни до падения с крыши.

– То есть мне страшно повезло, – мрачно усмехаюсь я.

– А ты не смейся, – говорит доктор Куперман. – На самом деле ты помнишь не так уж мало. Ты сохранил способность свободно передвигаться, разговаривать, ходить в туалет. Тебе что, приятнее было бы всему учиться?

Про туалет – это важно. Мне сказали, что я четыре дня провалялся в коме. Как я все это время обходился с туалетом, неизвестно. Ясно только, что все как-то устроили без моего участия. Как именно – мне, наверное, лучше не знать.

Доктор проверяет показания монитора, записывает что-то в историю болезни, а потом говорит, пристально глядя на меня:

– Ты точно совсем ничего не помнишь? Ничего из того, что было с тобой раньше?

Я снова напряженно вглядываюсь в пустоту, занявшую место моих воспоминаний. Это как полезть в карман за вещью, которая должна там быть, но ее там нет. Только вещь, которой нет, не ключи и не телефон, а вся твоя жизнь целиком. Тебе непонятно, досадно и страшно.

Я изо всех сил напрягаю мозги. *Ну же, давай! Ты ведь не только что родился на свет. У тебя в жизни полно всего было и до этой дурацкой комы.*

И тут в голове возникает смутный образ. Я сосредоточенно всматриваюсь в расплывчатые черты.

– Что-то вспомнил? – взволнованно спрашивает Джонни.

Картинка становится все четче, и наконец я различаю девочку, маленькую, лет, наверное, четырех, в синем платьице с белыми кружевами. Вокруг нее что-то вроде сада – во всяком случае, какая-то зелень.

– Да, девочку... – говорю я осторожно, чтобы не рассыпать картинку.

– Девочку? – Куперман вопросительно смотрит на мою маму. – У Чейза есть подружка?

– Нет, насколько я знаю, – отвечает мама.

– Вы не поняли, – раздражаюсь я. – Девочка совсем маленькая.

– Элен? – спрашивает мама.

Это имя я слышу впервые.

– Кто такая Элен?

– Дочка нашего отца, – подсказывает Джонни. – Наша сводная сестра.

Отец. Сестра. С этими словами должны быть связаны воспоминания. Я пытаюсь нащупать их, но напрасно. Моя память как черная дыра. В ней наверняка полно всего, но ничто не может вырваться наружу.

– Они с сестрой близки? – спрашивает Куперман.

У мамы аж кривится лицо.

– Сразу после того, как это случилось, мой бывший муж раскричался, мол, это я во всем виновата, и чуть не разгромил приемное отделение. Но потом, доктор, пока Чейз лежал в коме, вы видели, чтобы он хотя бы раз сюда пришел? Вот-вот. То есть вы понимаете, какие отношения у моих мальчиков с их отцом и его новой семьей.

– Я не знаю никакой Элен, – говорю я, едва мама заканчивает. – Я вообще никого не знаю. А у той девочки светлые волосы, и одета она в синее платье с кружевами. Нарядное, как будто собралась в церковь или в гости. Но помню я только ее, а больше ничего.

– Это точно не Элен, – уверенно говорит мама. – У нее волосы темные, как у ее матери.

– Доктор, я сошел с ума? – спрашиваю я у Купермана.

– Ничего подобного, – отвечает он. – Если ты помнишь девочку, значит, память не стерлась окончательно. Ты просто потерял к ней доступ. Воспоминания обязательно вернутся – если и не все, то многие. И эта девочка – твой ключ к ним. Старайся побольше думать о ней, о том, кто она такая и что в ней такого особенного, что, забыв вообще все, ты вспомнил именно о ней.

Я честно пытаюсь обо всем этом думать, но вокруг поднимается суета: раз уж умирать я не собираюсь, меня поспешно готовят к выписке. Доктор Куперман тщательно обследует меня с ног до головы, пропустив разве что мочку левого уха. Выясняется, что переклинило у меня только мозги, а все остальные органы работают как положено.

– Отчего тогда у меня все болит?

– От падения, – говорит доктор и добавляет, усмехаясь собственной шутке: – Или, лучше сказать, от его жесткого завершения. От удара у тебя перенапряглись все до одной мышцы. А потом за девяносто шесть часов полной неподвижности они онемели. Это не страшно. Пройдет.

Мои телесные повреждения ограничились сотрясением мозга и вывихом левого плеча. А выжить мне помогла недостаточно отточенная техника ныряния: вместо того чтобы воткнуться

в землю головой и насмерть сломать шею или раздробить череп, я приземлился на плечо, которое и приняло на себя основную силу удара.

Мама приносит мне одежду, в которой я поеду домой. Неудивительно, что она мне в самый раз. В конце концов, это же мои вещи – хотя я и вижу их как в первый раз. Интересно, есть у меня любимая рубашка или заношенная до дыр пара джинсов? Машина – микроавтобус «шевроле» – мне тоже не знакома. Дом тоже. Глядя по сторонам, я кое-что узнаю о себе. Например, что мои родители не миллионеры. Что я не люблю постригать траву на лужайке у дома. Хотя, возможно, это обязанность Джонни. В любом случае с меня спроса нет – я лежал в коме.

Я вычисляю окно, из которого вылез на крышу. Это просто, потому что ни из какого другого окна на крышу не вылезти. Оно оказывается ниже, чем я ожидал. Это даже обидно. Тоже мне герой: тут и лететь-то всего ничего, а ты умудрился своротить себе мозги.

Едва мама открывает входную дверь, нам навстречу раздается дружное: «Сюрприз!»

Через всю гостиную протянулся самодельный плакат «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ЧЕМПИОН!».

Грузный мужчина – лет ему примерно столько же, сколько маме, – по-медвежьи обнимает меня и здоровенными ладонями обхватывает мою голову.

– Как же здорово, что ты снова дома, сынок!

– Фрэнк, осторожнее! – в ужасе восклицает мама. – У него сотрясение!

Мужчина – мой отец? – выпускает меня из объятий, но напора не сбавляет.

– Да брось ты, Тина! Что нам, Эмброзам, несколько жалких царапин. И уж тем более Чейзу Эмброзу – лучшему раннинбеку округа.¹

– Бывшему лучшему раннинбеку, – поправляет Джонни. – Пап, ты же слышал: доктор сказал, что в этом сезоне Чейз играть не сможет.

– Да видали мы таких докторов, – презрительно усмехается отец. – Весу в нем от силы фунтов сто сорок, а туда же! – Потом он обращается к маме: – Не превращай Чейза в еще одного слюнтяя, хватит с нас Джонни.

– Спасибо, папа, я тебя тоже очень люблю, – сухо произносит мой брат.

– Фрэнк, а ты что вообще тут делаешь? – неожиданно выходит из себя мама. – Сколько раз я просила тебя не отпирать нашу дверь своим ключом! Это не твой дом, ты давно уже здесь не живешь.

– Но по-прежнему выплачиваю за него ипотеку, – ворчливо отвечает отец, а мгновение спустя меняется в лице и с широкой улыбкой заявляет: – Да и кроме того, должен же я был поприветствовать нашего героя.

– Свалиться с крыши – то еще геройство, – бормочу я себе под нос.

Не знаю, что именно, но что-то в отце меня напрягает. Внешность тут ни при чем. Несмотря на возраст, солидное пузо и уже заметную лысину, он бодр и полон сил. Улыбка – совершенно обворожительная. С первого взгляда он внушает расположение к себе. В этом-то, похоже, и засада. Он не сомневается, что ему все повсюду рады. А это, судя по маминой реакции, далеко не так.

Отец явился не один, а со своим новым семейством: женой по имени Корин, которая на вид ненамного старше моего брата Джонни, и дочкой Элен, моей четырехлетней сводной сестрой. Тогда в больнице мама была права: у Элен нет ничего общего с девочкой в синем платье. Ерунда, конечно, но все равно жалко, что она не стала мостиком, перекинутым из моего прошлого в мое же настоящее.

¹ Раннинбек – позиция игрока в американском футболе, для которой нужны быстрота, мощь и выносливость. (Здесь и далее прим. перев.)

Я вижу этих людей впервые в жизни, но при этом должен напоминать себе, что они-то меня прекрасно знают. По всему заметно, что встрече со мной они не рады. Корин держится позади моего отца, маленькая девочка цепляется за ее юбку. Обе смотрят на меня так, будто я бомба замедленного действия. Что же такого я им сделал?

Отец явно настроен пообщаться, но мама не намерена долго его терпеть.

– Фрэнк, ему надо отдохнуть, – говорит она. – Так велел врач.

– Ну, Чейз же и так отдыхает. Или он тут что, по-твоему, дрова колет?

– Ему надо побыть одному, – настаивает мама. – В своей комнате. В тишине.

Отец тяжело вздыхает.

– Упертое же ты создание, – говорит он маме, а потом обнимает меня, но уже полегче, чем в первый раз. – Здорово, Чемпион, что тебя выпустили из больницы. Ты уж прости, хотелось с тобой это дело отпраздновать, но, сам видишь, медсестра Зануда... – Он выразительно смотрит в мамину сторону.

– Врач правда так сказал, – вступаюсь я за маму. – Он прописал мне покой, потому что у меня сотрясение мозга.

– Сотрясение мозга, – издевательским тоном повторяет отец. – Я, когда в футбол играл, даже не знаю, сколько раз башкой бился. И ничего: бывало, приложишь к ушибу земли с газона и знай себе дальше бегаешь.

Тут из-за отцовского плеча выглядывает Корин.

– Чейз, мы очень рады, что все обошлось. Но нам уже пора. Идем, Фрэнк.

В воздухе повисает тишина. Чтобы прервать напряженную паузу, я наклоняюсь к своей маленькой сестре.

– Какая красивая у тебя кукла. Как ее зовут?

Девочка шарахается от меня, как от дикого зверя.

Наконец отец уходит, Корин и Элен следуют за ним. Джонни отправляется куда-то к друзьям, а мама отводит меня на второй этаж, чтобы я немедленно приступил к отдыху, из-за которого только что чуть не разгорелась гражданская война.

Я все вижу будто в первый раз: деревянную лестницу, постеленную на нее дорожку с линиями цветочным орнаментом; узкий, с низким потолком коридор; проломленную посередине дверь в комнату.

Мама не сразу соображает, что такого странного я увидел, но быстро спохватывается и объясняет происхождение пролома:

– Это я виновата. Я всегда разрешала вам с друзьями играть дома. Но потом вы стали большими... ну или дом – маленьким для вас.

– Во что играть? – спрашиваю я.

– В футбол. Соккер. Бадминтон. Да во что угодно. – У мамы на глаза наворачиваются слезы, ей больно об этом вспомнить.

В собственной комнате я чувствую себя очень странно. Комната моя – в этом нет никаких сомнений. Ее стены обклеены вырезанными из газет заметками про футбольные команды, за которые я выступал, и про победы нашей команды по лакроссу. Заметки иллюстрированы фотографиями, на которых я в полете заносу мяч в очковую зону или принимаю поздравления от ликующих товарищей по команде, чьи лица мне абсолютно не знакомы. На полках – наградные кубки: *Чейзу Эмброзу, самому результативному игроку; Капитану команды; Чемпиону штата...* То есть я совсем не абы кто.

Остается выяснить, кто именно.

Собравшись с духом, я подхожу к окну. Я был неправ – до земли очень даже далеко. У меня были все шансы разбиться насмерть.

Но я вместо этого спланировал прямиком в чужую жизнь. В жизнь кого-то, кто как две капли воды похож на меня, но при этом не я.

Доктор правильно сказал. Мне нужно отдохнуть.

Я сажусь на край кровати – своей собственной кровати. На тумбочке у изголовья замечаю телефон с треснувшим экраном. Интересно, он был при мне, когда я упал с крыши?

Нажимаю кнопку «домой». Никакой реакции.

Тут же на тумбочке лежит зарядка. Я подключаю провод, и через пару минут экран оживает. На заставке – я с двумя мальчишками. Кто они, я не знаю, но судя по позам, мы трое – близкие друзья.

Снимок на телефоне – селфи, его сделал парень, запечатленный справа от меня. В центре кадра я, самый мелкий из трех; это неожиданно, потому что рост у меня немаленький и сложение довольно крепкое. Дело происходит на Хэллоуин: позади нас видны малыши в маскарадных костюмах, а к бейсбольной бите, которую я поднял над головой, прилипли ошметки разбитой тыквы.

Экран гаснет. Я еще раз нажимаю кнопку. Снова появляется фото, и мой взгляд намертво приковывают к себе наши три широкие, нагло-самодовольные ухмылки.

Кто же все-таки я такой?

Глава вторая

Шошанна Уэбер

Shosh466:

Эй, братик! Хочешь забавное?

JWPianoMan:

???

Shosh466:

Альфа-Крыс навернулся с крыши и чуть не убился.

JWPianoMan:

«Чуть» – это значит, что он...

Shosh466:

К сожалению, выжил. Хотя вроде здорово поломался. Вчера из больницы выписали.

JWPianoMan:

А Бета-Крыс и Гамма-Крыс, случайно, с ним за компанию не того?

Shosh466:

Увы, выступление было сольным. А ты слишком много хочешь... Все равно же забавно, нет?

JWPianoMan:

Кто из нас хочет слишком много?

Я закрываю чат и набираю номер Джоэла, потому что мне за него тревожно. Я всегда за него тревожусь, ведь он мой младший брат, хотя и младше меня всего на четырнадцать минут. При известии о том, что дурацкий Чейз Эмброс свалился со своей дурацкой крыши, Джоэл даже не улыбнулся. Значит, ему сейчас особенно плохо.

В смысле, еще хуже, чем всегда.

– Да? – отвечает он упавшим голосом.

Джоэл терпеть не может места, куда он попал совсем не по своей воле. Ему страшно хочется домой.

– Ты уже немного обвыкся там, в Мелтоне? – спрашиваю я и чуть ли не со страхом жду ответа.

Мелтон – это Мелтонский музыкальный колледж в городе Нью-Британ, штат Коннектикут, на подготовительном отделении которого теперь учится Джоэл.

– Что я могу тебе сказать? Изгнание есть изгнание.

Мне ему нечего возразить. Джоэл – талантливый музыкант, и, в принципе, в музыкальном колледже ему самое место. Но если бы не случилось того, что случилось, он бы сейчас преспокойно пошел в восьмой класс у нас в Хайавасси.

– Как тебе другие ученики?

– Другие... – нехотя отзывается он. – Знаешь, они все лузеры, такие же, как я. И травить меня здесь, похоже, не будут, – если тебя *это* интересует. Кому травить, когда все сами затравленные?

У меня нет сил это выслушивать.

– Вы не лузеры. В колледж принимают только лучших. У тебя настоящий талант.

– Но из родного города мне пришлось уехать не из-за того, что я хорошо играю на рояле. А из-за Альфа-Крыса. И ты это отлично знаешь. Если бы он упал с небоскреба, а не с крыши своей халупы, я бы прямо сейчас уже ехал домой.

Я снова не возражаю, потому что это горькая правда и с ней не поспоришь. Чейз Эмброз с двумя своими гнусными дружками выжили моего несчастного брата из города. И хотя все произошло на моих глазах, у меня до сих пор в голове не укладывается, как такое вообще возможно. Чейз не Дарт Вейдер и не Волан-де-Морт, он не может использовать Силу и не владеет черной магией. И тем не менее они с Эроном Хакимьяном и Питоном Братски превратили жизнь Джоэла в такой кошмар, что у родителей не осталось выбора, кроме как отправить его учиться в другой город.

Мы не то чтобы сдались без боя. Папа так много времени проводил в директорском кабинете, что ему уже в пору было принести туда смену белья и зубную щетку. Но почти никогда невозможно было ничего доказать. Получал ли Джоэл подножку в полном народе школьном коридоре, летел ли на пол, получив локтем под дых – каждый раз это было, мол, «прости, друг, не заметил». Он обнаруживал у себя в шкафчике собачьи какашки, в спортивной раздевалке у него таинственным образом исчезала вся одежда, а вместо нее появлялся маскарадный костюм кролика. Из всех одноклассников только у Джоэла то падал со стола и вдребезги разбивался собранный на естествознании прибор, то проливалась краска на картину, нарисованную на уроке изобразительного искусства. А однажды, когда он выступал с фортепьянной пьесой на школьном концерте, в здании завывала пожарная сигнализация.

Затеяли травлю Чейз, Эрон и Питон, но немного спустя подтянулись и остальные. Они быстро сообразили, что именно мой брат каждый раз оказывается тем, кто кричит и забавно отбивается, когда его запихивают в шкафчик или превращают в мумию с помощью туалетной бумаги. Мы и оглянуться не успели, как Джоэл стал жертвой всеобщих насмешек и издевательств. Жизнь его сделалась абсолютно невыносимой.

И кто в этом виноват? Директор школы? Доктор Фицуоллес, может, и рад был что-нибудь предпринять, однако никак не находил для этого достаточных оснований. Но однажды он попытался. Как-то раз Джоэл ехал на велосипеде, а Чейз запустил в него клюшкой для лакросса, и та угодила между спицами колеса. Джоэл перелетел через руль и заработал растяжение запястья, здоровенный фингал под глазом и ужасного вида ссадину через всю щеку, от подбородка до уха.

Тут-то доктор Фицуоллес и решил наказать Чейза по всей строгости: надолго отстранить его от занятий, назначить исправительные работы. Но члены школьного совета были против. Признав, что Чейзу не стоило кидаться в Джоэла клюшкой, они тем не менее дружно заявили, что он никак не мог предвидеть тяжких последствий своего поступка. А все потому, что Чейз был спортивным кумиром нашего города – и сыном такого же, но уже отблеставшего кумира. Среди членов совета у папаши Чейза было много почитателей, а у моих родителей – ни одного.

Один раз трое злобных придурков все-таки получили по шапке, но не за то, что они устроили моему бедному брату, а за материальный ущерб, попутно причиненный школе. Джоэла тогда попросили сыграть на майском дне открытых дверей. Он лучший музыкант на многие мили вокруг, но никто из школьников этого, разумеется, не понимает. Короче, Чейз, Эрон и Питон заложили в кабинетный рояль, на котором играл Джоэл, шесть петард и рассчитали так, чтобы они взорвались посреди выступления. Когда петарды грохнули, от рояля во все стороны полетели щепки, а Джоэл издал истошный крик, который до сих пор стоит у меня в ушах. Потому-то, как мне кажется, он и притягивает всяких мерзавцев типа Чейза – что бы они ему ни сделали, бурная реакция гарантирована. После того случая, стоило Джоэлу показаться в школьном коридоре, какие-нибудь футболисты принимались потешаться над его трусостью. На самом деле перепугались тогда все, но запомнился футболистам один Джоэл.

Забавно, что наказали Чейза с компанией не за нападение на моего брата. Нет, администрация вызвала полицию только потому, что пострадал школьный рояль. Суд по делам несовершеннолетних приговорил Чейза, Эрона и Питона к исправительным работам в городском доме престарелых. Престарелые вряд ли заслужили такое.

Думаете, после этого Чейз оставил Джоэла в покое? Разумно было бы предположить, что да. Но разумностью Альфа-Крыс никогда не отличался. Потому-то родители отослали Джоэла учиться в другой город – в одной школе с обидчиком мой брат постоянно подвергался опасности. Скорее всего, Джоэл прав: если бы Чейз упал с небоскреба, а не с крыши своего дома, это позволило бы ему вернуться из Мелтона домой. И мне даже кажется иногда, что, оказавшись на том небоскребе рядом с Чейзом, я бы столкнула его вниз.

Но это означало бы, что я ничуть не лучше его. А я – лучше.

Кого ни возьми, все лучше его.

Каждый год в последний день летних каникул папа водил нас с Джоэлом в «Ледяной рай». Это такое кафе, где ты сам выбираешь, сколько и какого замороженного йогурта себе положить и чем его сдобрить. Притом что мы с Джоэлом двойняшки, подходы к созданию йогуртовой композиции у нас абсолютно разные. Я наполняю стаканчик ванильным йогуртом и сверху присыпаю несколькими шоколадными стружками; Джоэл выдавливает на дно чуточку йогурта, а потом сыплет до краев разные топпинги. Затем мы сравниваем, чья порция получилась тяжелее.

В этом году я в «Ледяной рай» не хочу.

– Шош, давай пойдем, – уговаривает меня папа. – Нельзя нарушать традицию. К тому же там будут все твои друзья.

– Все, кроме лучшего.

– Ага. То есть теперь вы с Джоэлом – лучшие друзья, – с грустной улыбкой говорит папа. – А когда он дома, цапаетесь, как кошка с собакой.

– Но сейчас он почему-то не дома.

Понятно, что папа хочет мне помочь, но я твердо решила, что горе мое безутешно.

– Мы же сто раз уже об этом говорили. Так лучше для Джоэла. И по какой бы причине мы его ни отправили в Мелтон, он непременно его полюбит, потому что мало где учат музыке лучше, чем там.

В конце концов я поддаюсь на папины уговоры. Мама с папой и так переживают из-за брата. Не хватало, чтобы они вдвоём расстраивались из-за меня.

Без Джоэла я чувствую себя в кафе как-то странно. Тут уже сидят Хьюго с Моришей; они первым делом интересуются у меня, как дела у Джоэла. Судя по тому, каким тоном они это спрашивают, можно подумать, что Джоэл не в Коннектикут уехал, а отправился на Луну. Ничего жизнеутверждающего я им поведать не могу и поэтому меняю тему – спрашиваю про летний лагерь, в котором они оба побывали. И только Хьюго принимается живописать свою отчаянную схватку с палаткой, у меня в поле зрения появляется... он.

Этот подонок.

Отвратительнейший на свете тип.

Украшенное несколькими ссадинами, лицо у Чейза гораздо целее, чем я надеялась. Ну, еще левая рука висит на перевязи. И это все. Он растерянно замер перед крантиками с йогуртами, словно никак не может решить, какой взять. Знакомая история, да? Сначала этот негодяй походя, с хрустом разжевав кости, сожрал Джоэла, а теперь ломает голову, взять клубнично-банановый йогурт или ромовый с изюмом. Жаль, в «Ледяном раю» не держат йогурта со смертельной отравой.

Должно быть, почувствовав на себе мой взгляд, он поворачивается ко мне, и мы встречаемся глазами.

В первый момент он смотрит сквозь меня, как будто не видит в упор, и это, надо сказать, обидно. А потом делает то, чего от него в жизни невозможно было ожидать: застенчиво мне улыбается.

Тут во мне вскипает вся та ярость, что копилась со дня Джоэлова отъезда в Мелтон.

Ничего не соображая, я бросаюсь к Чейзу и ору ему прямо в лицо:

– У тебя еще хватает совести лыбиться! Держись от меня подальше, или тебе хана, понял, ты?

С этими словами я размазываю ему по голове свой вкусный ванильный йогурт с шоколадными стружками и пулей вылетаю из кафе.

Папа болтает у входа с другими отцами и меня замечает только в последний момент.

– Ты уже? – спрашивает он. Потом заглядывает внутрь и видит заклятого врага нашей семьи – тот неуклюже, уже перепачканной салфеткой стирает с физиономии йогурт и шоколадную стружку. – Машина за углом, – бормочет папа и торопливо уводит меня прочь от «Ледяного рая».

Ему, конечно, жутко неловко за меня. А еще, наверно, он чуточку мною гордится.

Сама я раньше думала так: что бы Чейз ни сделал, хуже я к нему относиться не смогу, он уже в моих глазах – отвратительнее некуда. Но я была права.

После всего, что пришлось вытерпеть от него Джоэлу, Чейз посмотрел на меня так, будто никогда раньше меня не видел.

Так, будто это не он поломал жизнь нашей семьи.

Глава третья

Чейз Эмброз

Школу я узнаю. Но не потому, что помню по прошлой жизни. Просто в последние две недели мама несколько раз привозила меня сюда, чтобы я, так сказать, осмотрелся. Называется она Хайавассийская средняя школа, а я, оказывается, являюсь звездой сразу всех имеющихся в школе спортивных команд. Или, скорее, бывшей звездой, потому что на какое-то время я застрял в списке травмированных игроков.

Про успехи в спорте мне рассказала мама, пока везла меня в школу в первый день занятий в восьмом классе. С тех пор как Джонни уехал в университет, мы с ней остались вдвоем. Мама все время рассказывает мне подробности моей прошлой жизни – хочет избавить меня от неприятных сюрпризов вроде того случая, когда психованная девчонка размазала мне по голове стаканчик замороженного йогурта.

Забавно, что, выслушав рассказ о том случае, мама мне искренне посочувствовала, но при этом, как мне показалось, ни капельки не удивилась. Как будто у нас в городе вообще принято бросаться на незнакомых людей с десертами наперевес.

– Да брось ты, – небрежно говорит мама. – Девушки многое принимают слишком близко к сердцу. Особенно когда дело касается красавца-спортсмена. Она, например, тебе улыбнулась, а ты ей в ответ не улыбнулся, и все – смертельная обида...

– Нет, постой. Я-то ей как раз улыбнулся. Это она не улыбнулась и сразу давай своим йогуртом тыкать...

– От меня-то ты чего хочешь? – закатывает глаза мама. – Я знать не знаю эту твою террористку с йогуртом.

А по-моему, мама ее знает или, во всяком случае, догадывается, кто это мог быть. Зачем же ей понадобилось притворяться? Я бы понял, если бы она о чем-то умалчивала в первые дни после больницы, когда мы с ней толком еще друг друга не знали. Но сейчас-то зачем?

Мама останавливает машину у школы, не переставая при этом сыпать именами моих товарищей и учителей, чтобы мне легче было иметь с ними со всеми дело. А меня между тем не оставляет ощущение недоговоренности.

– Ты лучше... – начинаю я.

Мама заливается румянцем.

– Что лучше?

– Лучше расскажи мне о том, о чем не рассказываешь.

– Тринадцать лет, Чейз, – это очень долгий срок. Невозможно рассказать обо всем, что с тобой было за это время, вот так вот сидя в машине напротив школы в первый день учебного года. Ты еще услышишь о себе много неожиданного – хорошего и плохого. Но что бы тебе ни сообщали, всегда сохраняй спокойствие, ладно?

Ну и что это такое было? Я спросил, она ответила.

И теперь я знаю даже меньше, чем знал до того.

Мамино лицо тем временем приобретает цвет перезрелого помидора. Больше я к ней не пристаю. Я сам со временем все узнаю.

Школьный двор полон народу. Все мои соученики, похоже, знакомы между собой – судя по тому, как они при встрече похлопывают друг друга по спине или с размаху бьют друг друга по открытым ладонями, типа «дай пять». Многие здороваются и со мной: кого-то я шлепаю по ладони, с кем-то стучаюсь кулаком о кулак, старательно делая вид, будто для меня это самое обычное дело. В то же время я ловлю на себе странные взгляды. А некоторые, встретившись со мной глазами, торопливо отворачиваются. Возможно, их пугает ссадина у меня на лице и

рука на перевязи. Мама предупреждала, что большинство школьников, скорее всего, слышали о приключившемся со мной, но про амнезию никто из них не знает. Поэтому мне надо быть готовым к тому, что придется объяснять приятелям, с какой это стати я их не узнаю. Учителям и персоналу школы об амнезии, разумеется, уже сообщили.

– Это же наш! – слышу я, войдя в школьный вестибюль. Зычный голос легко перекрывает общий гвалт.

Обладателя голоса я не знаю, но готов поспорить, что это, судя по габаритам, один из моих приятелей-футболистов. Сквозь сутолоку ко мне пробираются еще несколько почти таких же здоровенных парней и принимаются радостно тормошить меня и называть своим.

– Ребята! Осторожнее... плечо! – пытаюсь защититься я, а сам в это время лихорадочно соображаю, как лучше объяснить радушным парням, что я понятия не имею, кто они такие. От этого у меня слегка кружится голова.

– Чейз! – Ко мне, всю работу локтями, приближаются еще двое футболистов.

Как ни странно, этих двоих я узнаю. Я видел их на хэллоуинской фотографии в своем телефоне. А когда мы с мамой рассматривали снимок команды по лакроссу, она показала мне их и сказала, что это мои лучшие друзья Эрон и Питон.

– С возвращением, чел! – рявкает Эрон. Он повыше Питона, а лицо его украшает такая мощная растительность, какую вряд ли встретишь у кого-то еще в средней школе. – Мы как-то хотели зайти, но твоя мамаша сказала, что у тебя постельный режим.

– Ничего себе, прямо глазам не верю, – подхватывает один из обступивших меня футболистов. – Ты же, говорят, с колокольни прыгнул?

Питон отвечает футболисту хорошую затрещину.

– Совсем кретин, что ли? Он с крыши прыгнул. С крыши! Потому что если бы с колокольни, то тогда бы насмерть. И вообще, не прыгнул, а упал.

– Это ж каким дураком надо быть, чтобы с крыши прыгать, – подхватывает Эрон.

– Ну, упал-то я тоже не от большого ума, – признаюсь я, несколько ошарашенный и беспричинной затрещиной, и тем, что тот, кому она досталась, ничего против нее не имел. – Я не помню, о чем тогда думал. И вообще, если честно, ребята...

Тут получивший по физиономии перебивает меня:

– Но ты поправишься к началу сезона, да? И прямо в первой игре сможешь на поле выйти?

– Врач говорит, что не смогу. Из-за вывихнутого плеча и, главное, из-за сотрясения мозга. Если снова ударюсь головой, это может плохо кончиться.

Мои слова вызывают громкий протест.

– Но ты нам нужен!

– Самый результативный игрок!

– Лучший в команде!

– Наш капитан!

– Эй вы, хватит! – командует Эрон. – Без травм футбола не бывает. Мы все это знаем. – А потом добавляет, обращаясь ко мне: – Надо поговорить. Идем.

Из вестибюля он направляется к центральному атриуму, из которого в разные стороны расходятся школьные коридоры. Продвигаясь сквозь густую толпу, мы не встречаем помех. Мои лучшие друзья, не церемонясь, расчищают нам путь. Большинство школьников, едва завидев нас, сами жмутся по сторонам.

Мы подходим к скамейке у стены атриума.

– Здесь свободно? – спрашиваю я мальчика помладше, по виду шестиклассника.

Но прежде чем мальчик успевает открыть рот, Питон громогласно заявляет:

– Разумеется!

Мальчик получает для ускорения увесистый подзатыльник и уносится прочь по коридору.

Мы садимся на скамейку, и я, не дожидаясь расспросов, начинаю первым:

– Эрон... Питон... – Мне непривычно выговаривать эти имена, как будто раньше я их ни разу не произносил. – Я должен кое-что вам сказать. Когда я упал с крыши, я вывихнул плечо и получил сотрясение, но это не все. Еще у меня случилась амнезия.

– Амнезия? В смысле, ты что-то забыл? – хмурится Питон.

– Хуже. Я забыл все. Всю свою жизнь до падения с крыши. – Я обвожу рукой атриум. – Школу. Людей. Вот это все как будто в первый раз вижу. Я бы и вас не узнал, если бы не фотка в телефоне. Я знаю, что мы друзья, потому что так сказала мама. Но ничего про нас троих – про то, что мы вместе делали, – не помню.

Они переглядываются между собой и явно мне не верят. Меня это сначала бесит, но потом я понимаю, что неизвестно, как бы я сам среагировал, если бы старый друг сообщил мне что-нибудь в этом роде. Они знают меня всю свою жизнь. Я выгляжу как всегда и разговариваю как всегда, но вдруг заявляю, что вся история нашей дружбы начисто стерлась из моей памяти.

Они не виноваты, что приняли мои слова за шутку. Приключившееся со мной и правда своего рода шутка. Просто абсолютно не смешная.

– Ребят, я не только вас забыл, – пытаюсь объяснить я. – Думаете, мне приятно вместо мамы, брата и отца видеть совершенно незнакомых людей? И знаете, мне очень неудобно каждый день встречать тут в школе восемьсот человек, которые думают, что я их игнорирую – а я просто никого из них не помню.

Питон смотрит на меня в упор.

– В смысле... Это точно не прикол?

– К сожалению, нет.

– Вау, – только и может сказать ошеломленный Питон.

Эрон наклоняется ко мне, и мы с ним оказываемся нос к носу.

– Но ведь память же к тебе вернется, да? – Он произносит это с таким напором, что сразу понятно: ему жутко представить, что славного общего прошлого для меня теперь как бы и нет.

– Может быть. Отчасти, – говорю я. – А может, и нет. Доктор говорит, что наверняка этого знать нельзя.

Эрон с Питоном, совершенно ошарашенные, снова переглядываются между собой. Я вдруг понимаю, как много эти двое, мои лучшие друзья, для меня значат. Перед глазами встает тот снимок из телефона, на котором мы втроем, радостные от того, как здорово мы только что раздолбали битой хэллоуинскую тыкву.

– Ребят, вы не думайте, – говорю я. – Я тот же самый, каким был всегда. Неважно, что я не помню ничего из того, что мы вместе делали. У нас еще куча всего впереди. Мы еще покажем.

– Точно! – восклицает Питон. – В футбол ты играть не можешь, это ладно. Но к весне-то, когда лакросс начнется, ты же совсем поправишься, правильно?

– Доктор сказал, что к весне со мной все уже будет в порядке, и надо будет только...

– Вот это другое дело! – говорит он весело и бодро.

Но мне его бодрый тон кажется не совсем искренним. И вообще, похоже, я его до конца не убедил. Но это и понятно: если бы я сам не страдал амнезией, чей угодно рассказ о ней вряд ли показался бы мне полностью убедительным.

– Мы с тобой, брат! – поддерживает Питона Эрон и хлопает меня по спине.

Вывихнутое плечо пронзает боль, но я умудряюсь смолчать.

– Здравствуйте, ребята, – слышится густой, низкий голос. Он принадлежит высокому человеку в темно-сером костюме, остановившемуся возле нашей скамейки. – Чейз, меня зовут

доктор Фицуоллес. Я директор школы. В сложившихся обстоятельствах мне показалось правильным заново тебе представиться. Заново – потому что мы с тобой уже были знакомы.

– Еще как знакомы! – сдавленно произносит Питон.

Одним взглядом сквозь очки в тонкой металлической оправе директор заставляет его замолчать.

– Чейз, идем. Нам с тобой надо поговорить.

Мои друзья плетутся прочь, а я иду за директором в его кабинет. Там на стене висят две большие фотографии. Одну я, как ни странно, сразу узнаю – такая же, только меньше, висит в моей комнате дома. Она взята из прошлогодней газетной заметки про нашу победу в футбольном чемпионате. На фотографии я в сдвинутом на затылок шлеме держу в поднятых руках чемпионский кубок. Вторая очень похожа на первую, но заметно старше. На ней другой парень в футбольной форме поднимает над головой тот же самый кубок. Парень почему-то кажется мне знакомым. Нет, это бред. Какой еще знакомый? Ведь я же никого не узнаю.

Заметив мое замешательство, доктор Фицуоллес говорит:

– Это твой отец. Ему здесь столько же, сколько тебе сейчас. Он был капитаном нашей команды, когда мы в первый и – до прошлого года – последний раз выиграли первенство штата.

Вот оно что. Теперь понятно, почему отец зовет меня Чемпион. Я тоже буду называть его Чемпионом.

– Я не знал, что он был чемпионом штата, – говорю я директору. – Вернее, когда-то наверняка знал...

– Об этом-то, Чейз, я и хотел поговорить. Садись. – Директор Фицуоллес показал мне рукой на стул. – Должен признаться, я с таким сталкиваюсь впервые. До сих пор никто из наших учеников амнезией не страдал. Тебе сейчас, должно быть, очень тяжело. И даже немножко страшно.

– Ага, жуткое ощущение – когда никого не помнишь, – соглашаюсь я. – Вокруг тебя полно народу, а при этом как бы и никого.

Директор Фицуоллес садится в свое директорское кресло.

– Надеюсь, мы сумеем хоть немного облегчить твоё положение. Я рассказал о тебе учителям и вспомогательному персоналу. Так что все в курсе. Если у тебя с кем-нибудь возникнет недоразумение, попроси его обратиться ко мне.

Я говорю: «Спасибо», потому что он этого, судя по всему, от меня ждет.

– И еще... – Директор Фицуоллес откидывается на спинку кресла и начинает говорить медленно и четко, старательно подбирая слова. – То, что с тобой случилось, ужасно. Но в то же время несчастный случай открыл перед тобой редкую возможность. У тебя появился шанс начать все заново, не упusti его! Тебя, я знаю, тяготит твоё нынешнее положение, но миллионы людей отдали бы все на свете, лишь бы оказаться на твоём месте – перед безупречно чистым листом бумаги.

Я слушаю директора и не понимаю, о чем это он. То есть я пытаюсь вспомнить, каким я был, а он призывает меня измениться?

Что такого плохого было во мне прошлом, из-за чего теперь я должен стать не тем, кем был?

Глава четвертая

Брендан Эспиноза

«Богатый и разнообразный животный мир современной средней школы лучше всего наблюдать в школьной столовой. Вот, например, несколько особей Чирлидерус максимум пасутся в естественной для них среде – у стойки с салатами...».

Я фокусирую флип-камеру на Бриттани Вандервельде и Латише Бутц, которые придирчиво выбирают себе салат-латук, огурцы и кусочки помидоров. Снимая, я опираю руку с камерой на запястье левой руки, чтобы не дрожала картинка. Видео на Ютубе выглядит гораздо лучше, если камера не пляшет в руке.

«Алчущие взгляды в сторону столика с пищей... – продолжаю я закадровый текст. – Но увы, не судьба. Чирлидерусам только и остается что дополнить свои порции розочками из редиски и обезжиренной заправкой. Но постойте...» – Я отъезжаю камерой назад, чтобы в кадр попал Джордан Макдэниел; он как раз отходит от стойки с тяжело нагруженным подносом в руках. – *«Что я вижу! Это же редчайший Неуклюжус спотыканус прокладывает себе путь к обеденному столу. Ну же, Неуклюжус, у тебя все получится... О нет! Вот расплескивается суп... катится по полу апельсин...».* Господи, тут и сценарий не нужен. Жизнь богаче искусства! *«А теперь мы оставим сравнительно безопасную область прилавка и рискнем навеселиться прямоком в львиное логово, –* продолжаю я, наводя объектив на стол в углу зала, за которым Эрон Хакимян, Питон Братски с еще несколькими друзьями-футболистами наворачивают гигантские порции и неприлично громко хохочут. – *Это владения хищников, животные помельче сюда заходить опасаются».* Мне ли этого не знать! Поэтому хищников я снимаю на максимальном зуме, хоть картинка и получится чуточку смазанной. Ближе я, разумеется, не подойду: мне же не хочется, чтобы они затолкали мне в глотку мою же видеокамеру. *«Но где же возжак? Где же этот грозный сверххищник?.. Не он ли это расплачивается на кассе за пачку печенья с инжирной начинкой? О да!.. Это он, царь зверей, Футболянус героикус, чья громоподобная поступь внушает ужас всем без исключения тварям, большим и малым. Посмотрите, как величаво шествует он...».*

Но как только я поворачиваю камеру, чтобы проследить путь Чейза Эмброза к друзьям-футболистам, он пропадает из кадра. То есть он идет не к ним, а куда-то еще. Я снова ловлю его в кадр и продолжаю комментировать: *«Но глядите... Могучий Футболянус передумал и теперь направляет свои царственные стопы к другому столу. По ведомым одному лишь его величеству причинам он движется...».*

Мамочки, он движется сюда!

Я прячу камеру таким резким движением, что воздух вокруг моей руки едва не воспламеняется. А он, с подносом в руках, невероятной громадой уже возвышается у моего стола.

Какими судьбами Чейз Эмброс очутился поблизости от смиренного персонажа вроде меня? Неужели ему стало известно, что в роликах на Ютубе я издеваюсь над ним и его друзьями?

Если да, то мне конец. Меня уже ничто не спасет.

Последний раз мое общение с Чейзом и его неандертальцами заключалось в том, что меня поставили к тетербольному столбу и от души поиграли, пока меня не обмотало веревкой, как обматывают, перед тем как отправить в духовку, тушку индейки. Я так бы и стоял там, прикрученный к столбу, если бы в тот день уборщики не пришли опустошить мусорный контейнер. А ведь эти уроды могли бы меня и в контейнер запихать. С них бы стало. Вот

Джоэла Уэбера они доводили-доводили и довели до того, что родителям пришлось отправить его в школу-интернат.²

– Здесь занято? – спрашивает Чейз.

Я поднимаю глаза, внутренне смирившись с тем, что сейчас мою физиономию залепит что-нибудь съедобное. Он стоит надо мной и смотрит так, будто первый раз меня видит. Мой мозг вопит что есть мочи: *Спасайся! Спасайся!* Но вслух я говорю:

– Да нет, садись.

Он садится и *растilaет на коленках салфетку!* Ничего себе! Прямо как цивилизованный человек! Хотя... Я опускаю глаза: у меня на коленях салфетки нет. Так же, наверняка, как и у всех остальных в столовой.

Происходящее кажется мне полным бредом. С другой стороны...

Ведь бывает же, что слухи не врут? Летом по городу прогремела новость, что великий Чейз Эмброс рухнул с крыши и воткнулся головой в землю. У него до сих пор видны ссадины и шрамы на лице, а левую руку он носит на перевязи. Но в школе поговаривают, что вдобавок к этому наш воздушный акробат заработал амнезию. Что он не помнит ничего, что было до падения. Я раньше думал, это просто слухи... Но разве можно по-другому объяснить, почему он сидит за одним столом со мной, а не с друзьями-футболистами? И при этом вполне по-человечески себя ведет?

Поставив видеокамеру на паузу, я снова принимаюсь есть – а это, доложу я вам, ой как не просто, когда напротив тебя сидит сверххищник, неважно, с амнезией или без. Я читал где-то, что амнезия бывает преходящей. И если она сейчас вдруг у него пройдет, он размажет мне по физиономии мой сэндвич с яичным салатом – только за то, что я посмел оказаться рядом.

Но тут я замечаю, что у него никак не получается отрезать кусок от жареной куриной грудки. Тупым пластмассовым ножом, да еще с подвешенной на груди рукой это и в самом деле непросто. Он совсем замучился – так, что даже лоб вспотел.

И тогда я очертя голову произношу самые рискованные в своей жизни слова:

– Тебе помочь?

– Спасибо, справлюсь.

Чейз пилит курицу дальше, у него ничего не выходит, он все сильнее раздражается.

Не спрашивайте меня, зачем и почему, но я встаю, огибаю наш длинный стол и сзади подхожу к Чейзу.

– Двумя руками удобнее, – говорю я.

Он еще разок пытается разрезать злосчастную грудку, а потом говорит со вздохом:

– Наверное, все-таки помоги.

И вот я посреди столовой, склонившись над грозным сверххищником, режу ему куриную грудку. Шошанна Уэбер мимоходом бросает на меня взгляд, в одно и то же время оторопелый, изумленный и осуждающий. А может, она просто пытается понять, почему я режу курятину, а не сонную артерию Чейза.

Закончив, я кладу нож на стол, а вилку отдаю Чейзу.

– Спасибо, – застенчиво благодарит он.

– Не за что.

Я возвращаюсь на свое место, сажусь... И пребольно шлепаюсь задницей на пол.

Со всех сторон раздается мерзкий хохот – это меня обступила компания футболистов. Питон ставит мой стул прямо надо мной, заперев меня между ножками.

– Чейз, дружище, ты перепутал стол, – говорит Эрон. – Идем. Мы припасли для тебя местечко.

² Тетербол – игра, в которой игроки бьют руками по мячу, прикрепленному веревкой к верхушке установленного вертикально шеста.

Они фактически похищают его и увлакивают к себе в львиное логово.

Несколько секунд спустя кто-то убирает с меня стул и помогает мне встать.

Этот кто-то – Чейз.

– Извини, – говорит он с неловкой улыбкой.

А ему в это время кричат:

– Давай, дружище! Двигай сюда!

Чейз колеблется.

– Они твои товарищи по команде и лучшие друзья, – говорю я на случай, если он этого не помнит.

– Да, правда.

Можно было бы подумать, что он этому не рад. Но я хорошо его знаю и поэтому так не думаю.

Усевшись обратно на свой стул, я достаю из кармана камеру. Оказывается, на паузу я ее не поставил и все это время она работала. Картинки, естественно, никакой не было, но зато звук записался целиком.

Надо будет потом прослушать эту запись – доказательство того, что я вступил в близкий контакт с Чейзом Эмброзом и остался в живых.

Глава пятая

Чейз Эмброз

При виде любой маленькой девочки я невольно обращаюсь мыслью к той светловолосой, в синем платьице с кружевами, которую сохранила моя память.

Почему так происходит, я не знаю. Но когда у тебя есть одно-единственное воспоминание, наверное, естественно все время к нему возвращаться. Понять бы только, откуда это воспоминание взялось.

Девочка в синем платьице снова приходит мне на ум на детской площадке, когда я наблюдаю за маленькой гимнасткой, перехватывающей ручками перекладины горизонтальной лестницы.

Сегодня я первый раз вышел без перевязи. Я носил ее больше месяца или, можно сказать, целую вечность, так как ничего, что было до падения, я не помню. Я иду и радуюсь, что плечо больше не стянуто тугой повязкой. Я чувствую себя хорошо, точнее, нормально – этого мне очень не хватало все две недели занятий. Не назовешь же нормальной ситуацию, когда ты чужаком ходишь по незнакомому месту, притом что все вокруг тебя знают.

Тут я понимаю, что девочка на детской площадке – это моя сводная сестра Элен. Она так и пышет энергией: с замечательной ловкостью пробирается по туннелям, съезжает с горок и тут же обратно на них забирается. Ей не хватает осмотрительности, особенно на высоте. Она, видимо, еще слишком мала и не понимает, что членам нашей семьи свойственно падать на голову.

Стоит мне об этом подумать, как Элен теряет равновесие и падает с самого верху извилистой горки. Я подлетаю одним прыжком, ловлю ее и начинаю раскачивать в воздухе, как будто так и надо и это у нас такая игра. Она визжит от восторга и расставляет в стороны руки, как крылья, а я подыгрываю, изображая звук самолетных двигателей.

Элен счастлива. Я тем более: травмированное плечо совсем не болит и отлично работает. Нам обоим весело.

Но тут девочка замечает, что в воздухе ее кружит не мама.

– Мапочка! – верещит она на весь парк.

– Не бойся, Элен! Я здесь! А это Чейз, твой брат!

– Хочу вниз! – Она раскраснелась и громко плачет.

Я ставлю ее на землю. Она опрометью бросается к Корин, которая несется ей навстречу.

Только этого мне не хватало. Отношения с новой отцовской женой у меня и без того непростые, а теперь она решит, что вдобавок ко всему я терроризирую ее маленькую дочь.

– Простите, – смущенно мямлю я. – Я не хотел ее напугать.

– Я все видела. Спасибо, что не дал ей упасть.

Она говорит приятные, в принципе, слова. Но слышали бы вы, как она их произносит – слишком вежливо и чрезвычайно сухо. Как будто я ей не пасынок, а не пойми кто.

Элен уткнулась лицом матери в живот и отказывается поворачиваться ко мне.

– Кажется, я ей не очень нравлюсь.

– Она тебя побаивается, – уже мягче говорит Корин.

– Побойается меня?

Что такого я мог натворить, чтобы от меня в страхе шарахалась четырехлетняя сестренка?

Додумать эту мысль мне не дает громкий автомобильный гудок. Рядом с нами тормозит фургон с надписью «Эмброз электрик» на борту.

Водительское окно опускается, из него высовывается отец.

– Корин, к половине шестого разжигай гриль! Я привезу стейки. Таких громадных ты в жизни не видела. – Потом он видит меня. – Чемпион, а ты что здесь делаешь? Почему не на тренировке?

– Ты забыл, что сказал врач?

– Но рука-то прошла.

– Прошла. – Я постукиваю себя пальцами по голове. – А про сотрясение забыл?

Отцу явно неприятно это слышать.

– Этим твоим врачам дай волю, они тебя на всю жизнь в пленку с пузырьками упакуют. Слушай, может, на ужин зайдешь? Накормлю тебя первоклассным стейком. На кроличьем корме, которым пичкает тебя мамаша, физическую форму не восстановишь.

– Спасибо. Как-нибудь в другой раз, – отвечаю я, а потом говорю, чуть помявшись: – Я видел твою чемпионскую фотографию, у директора в кабинете. Я не знал. В смысле, когда-то, наверно, знал, но после...

Отец довольно смеется.

– Знаешь, Чемпион, спортсменов на свете полно. Но настоящие чудеса по плечу только некоторым. Например, нам, Эмброзам. Так что не дай мамаше превратить тебя в изнеженного слюнтяя вроде твоего брата.

С этими словами он жмет на газ, фургон отъезжает, на прощание стреляя глушителем.

– Пока, папочка! – кричит Элен.

– Пока, Элен! – отзываюсь я вместо него.

Мы встречаемся с ней взглядами, и она отводит глаза.

Я, безусловно, школьная знаменитость. Остается понять, какого рода слава меня окружает – добрая или дурная.

Главное место в моей школьной жизни занимает спорт – ну или занимал до падения с крыши. Практически все мои друзья – спортсмены, в основном футболисты. Они, наверно, очень беспокоились за меня, когда узнали, что со мной приключилось. Теперь кое-кто из них ворчит, что, мол, нехорошо пропускать игровой сезон. Но большинство просто рады, что со мной все обошлось.

«Хайавасси Харрикейнз» – некоронованные короли нашей средней школы. Неплохо оказаться в таком высоком ранге, только-только очнувшись от комы. Я же вдобавок бывший капитан команды – то есть что-то вроде императора, который выше всех королей. Но при этом, если честно, я не очень понимаю, как мне удавалось по-хорошему уживаться с этими недомонархами. Они шумные и какие-то беспардонные. Между собой они по-настоящему дружны, но все равно постоянно пихают и лупят друг дружку. Задеть или оскорбить другого – самое милое дело. Ничего плохого они, скорее всего, в виду не имеют, но выглядит это отвратительно. Интересно, я тоже так себя вел, когда был... когда был тем, другим собой? Тыкал пальцем в несуществующее грязное пятно на майке приятеля, чтобы, улучив момент, залепить ему по физиономии? Крыл последними словами матерей, бабушек и прабабушек своих друзей? Наверняка. Но то было тогда, а сейчас все поменялось. Возможно, из-за сотрясения мозга хватка у меня уже не та. За приятелями мне больше не угнаться.

Эрон и Питон стараются оберегать меня от самых опасных проявлений футбольной дружбы. Останавливают друзей словами – мол, сбавьте обороты, он же у нас раненый – или собственными телами заслоняют меня от товарищеских тычков и затрещин. Я им очень за это благодарен, но это не отменяет того факта, что я больше не прежний Чейз. Мне даже кажется иногда, что лучше бы они меня не опекали. Мне противно быть слабым, да и приятели обращаются со мной как с сильным. А я никакой не сильный. Но, возможно, смогу скрывать это до тех пор, пока ко мне не вернется сила.

Кроме всего прочего, Эрон с Питоном напрягают меня даже больше других, потому что то и дело задают вопросы: «Что ты помнишь? Ты уже что-нибудь начинаешь вспоминать? А что говорит врач, когда начнешь? Когда снова станешь каким был?»

Мне им ответить нечего, и остается разве что описать единственное свое воспоминание – маленькую девочку в синем платье. Они внимательно меня выслушивают, а когда я заканчиваю, Эрон ждет продолжения.

– И что? – спрашивает он, выпучив любопытные глаза.

– Ничего. Больше я ничего не помню.

– А кто она такая? – с напором интересуется Питон. – В каком месте ты ее видел?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Это все, что я смог вспомнить.

Какое-то время они молчат, уставившись на меня, а потом разражаются хохотом.

Мне становится обидно.

– Ничего смешного! Я что, по-вашему, что-то от вас скрываю? Или вы не знаете, что такое «амнезия»?

– Расслабься. – Эрон обнимает меня за плечи. – Мы тебе поможем оклематься. Друзья мы или кто!

Остальные школьники, которые в футбол не играют, ведут себя при мне как-то странно. Разговоры при моем появлении умолкают. Когда я иду по коридору, все отворачиваются к вещевым ящичкам. Конечно, вся школа уже слышала про мою амнезию и я для них теперь такая непонятная диковина. Но только из-за этого люди от меня шарахаться бы не стали.

Идет, например, по коридору девочка, толкает перед собой тележку с учебниками, о чем-то своем думает. Но тут замечает меня, и у нее прямо-таки глаза на лоб лезут. Она стремительно разворачивается, хочет сбежать, но задевает за дверной косяк. Книжки разлетаются во все стороны. Она спотыкается об одну из них и теряет равновесие. Я подхватываю ее под руку, чтобы не упала. От этого она окончательно слетает с катушек.

– Не-е-е-ет! – Она голосит так громко, что все сразу смотрят на нас.

Я ничего не понимаю.

– Я сейчас соберу...

– Нет! – кричит она и чуть не бегом уносится, по пути роняя с тележки остатки книг.

Что я такого сделал?

После школы я пытаюсь выяснить это у Эрона и Питона, но им кажется, что я страдаю ерундой.

– Ну не нравишься ты какой-то мелкоте, и что? Тебе самому не все равно? – спрашивает Питон.

– Это не то, – отвечаю я. – Она *испугалась*! Почему?

Приятель переглядываются.

– Чувак, а тебе и в самом деле память отшибло, – говорит Эрон.

– Так давайте, объясните мне.

– У нас нет времени, – говорит Питон.

– Но сегодня же нет тренировки.

– В половине четвертого мы должны быть на Портленд-стрит.

– Что за Портленд-стрит?

– Дом престарелых, мы там по приговору старичкам и бабулям помогаем, – объясняет Питон. – Два месяца еще отрабатывать. Не всем повезло свалиться с крыши и получить освобождение от исправительных работ.

– Мне тоже назначили исправительные работы?

Я, может быть, почти ничего и не помню, но почему-то знаю, что исправительные работы – это гораздо жестче, чем когда тебя оставляют в школе после уроков. К ним приговаривает самый настоящий судья.

Я стараюсь говорить как можно непринужденнее. Еще не хватало, чтобы лучшие друзья решили, что я трус.

– А за что нас приговорили? – Последнее слово я выговариваю с большим трудом.

– Да, считай, ни за что, – усмехается Эрон. – На дне открытых дверей положили пару петард в рояль. Рвануло – что надо! А копы заладили: порча имущества, порча имущества... Как будто прямо в мире роялей почти не осталось.

– И нас за это того, арестовали? – говорю я небрежно, но эта небрежность мне дорогого стоит.

– Идем, опоздаем, – торопит приятеля Питон.

– Сейчас, – бросает ему Эрон и смотрит на меня. – Ты, чел, забыл все, что было до того, как ты упал с крыши, и это тебя напрягает. Дай-ка я тебе кое-что напомним. Наш друг Чейз не стал бы париться из-за того, что какие-то придурки перепугались фейерверка. Мы сделали что сделали, и за это нам досталось. Вот и весь разговор.

– Вот и весь разговор, – повторяю я и продолжаю, осторожно подбирая слова, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего: – То есть, получается, никто не пострадал. В чем же тогда проблема?

Питон фыркает, ему смешно.

– Вообще никто.

– Проблема в том, – говорит Эрон, – что нам в школе все завидуют. Мы делаем что хотим, и с нами боятся связываться. Взрослые тоже завидуют, потому что все они в детстве тоже были лохами. И понятное дело, когда Фицуоллес или судья видят шанс на нас отыграться, они используют его по полной – другого-то случая не будет. Так что не надо на них обижаться.

Я киваю:

– Ладно. Но это как-то не очень справедливо.

– Я как подумаю, *насколько* несправедливо, так потом всю ночь в подушку плачу, – сквозь смех говорит Питон.

Мне тоже смешно. Эрону с Питоном хоть горящие щепки под ногти загоняй – все равно не заплачут. Потому что они самые крутые на свете.

– Спасибо, что все мне рассказали, – говорю я; я действительно им благодарен. – Мама от меня этот случай скрывает. Наверно, решила, что раз я о нем не помню, то его как бы и не было.

Эрон пожимает плечами.

– Так то же мама. А у мам всегда так: все, что тебе по кайфу, у них – плохое и вредное.

– Отец меня предупредил, – говорю я. – Сказал, не дай ей сделать из тебя неженку.

– Твой отец – мужик что надо! – восклицает Питон. – Он играл в футбольной команде, лучше которой здесь не было и не будет. Ну, если не считать нашу, конечно. Подожди, вот выйдешь на поле, и тогда мы всех порвем!

Эти слова заставили меня задуматься. Питон, как и все остальные, прекрасно знает, что нынешний сезон я пропускаю. Но так ли уж это необходимо? Отец считает, что нет. А мама, та просто повторяет слова доктора Купермана.

Насколько ей можно доверять? Особенно после того, как она попыталась утаить от меня такой важный эпизод моего прошлого. Если бы не Эрон с Питоном, я бы так ничего о нем и не узнал.

Интересно, о чем еще она недоговаривает?

Вечером, когда мама приходит с работы, я встречаю ее на пороге и с ходу выдаю:

– Долго это будет продолжаться?

Мама замирает в недоумении. Я, не дав ей опомниться, продолжаю:

– Когда у меня случилась амнезия, ты была прямо убита горем. Но оно не помешало тебе кое-что вычеркнуть из моей жизни!

– Вычеркнуть?

– Тебе не кажется, что я имею право знать, что нас с Эроном и Питоном приговорили к исправительным работам?

Мама молча ставит на пол сумку, снимает пиджак, проходит в гостиную и устало валится в кресло.

– Ты прошел через страшное испытание, – наконец говорит она. – От того, что я стану рассказывать тебе всякие неприятные вещи, тебе не будет легче от него оправиться.

– Вещи? – повторяю я. – Значит, есть еще много любопытных историй, которых мне, по-моему, лучше не знать?

Мама, судя по виду, не на шутку огорчена.

– Чейз, ты же знаешь: что бы ни случилось, я буду любить тебя и, как могу, тебе помогать. Я всегда видела в тебе хорошее и уверена, что где-то в глубине ты на самом деле хороший. Просто иногда у тебя бывают затмения.

Я сразу с отвращением вспоминаю, как в школе все отворачиваются от меня, как отшатаются при моем приближении, какие испуганные позы принимают. Вспоминаю чокнутую девчонку, которая размазала мне по голове стаканчик замороженного йогурта. Вдруг она вовсе не была чокнутой? Вдруг именно что-то такое я и заслужил?

Потом я возвращаюсь мыслями к разговору с Эроном и Питоном. На каждое событие можно посмотреть с двух разных сторон. Вот и на нашу выходку мои друзья смотрят с одной стороны, а моя мама – с противоположной. И в этом нет ничего удивительного, ведь ее ребенок попал в беду. Причем в большую – как-никак меня приговорили к исправительным работам.

– Ладно, пусть мы поступили плохо, – уступаю я. – Но зачем понадобилось из пустяка раздувать целую трагедию?

Мама изумленно смотрит на меня.

– После всего, что было – как ты можешь такое говорить?

– А так! «Всего, что было» я не помню! – почти кричу я в ответ. – В конце концов, мы взорвали не гранаты, а обычные петарды! Это был всего лишь розыгрыш!

Мамин взгляд становится жестче.

– У пианиста, между прочим, по вашей милости чуть сердечный приступ не случился. И главное – все решили, что это теракт; хорошо еще, в панике никого не покалечило. Вот из-за этого-то, скорее все-го, директор Фицуоллес и решил вызвать полицию.

Я слушаю маму, и мне становится стыдно. Но если верить Эрону с Питоном, школьное начальство воспользовалось случаем – нашей безвредной шуткой – и раздуло из мухи слона с единственной целью нас прищучить. Кто же говорит правду – она или они? Вдруг мама нарочно сгущает краски, чтобы припугнуть меня на будущее, потому что хочет, как сказал отец, вырастить из меня не мужчину, а неженку?

Амнезия начисто отобрала у меня тринадцать прожитых мной лет. Теперь приходится заполнять возникшую на их месте пустоту по рассказам других людей. Но беда в том, что все знают меня немножко разным – мама, отец, ребята в школе, та девочка с замороженным йогуртом.

Кому же верить?

Глава шестая

Брендан Эспиноза

«Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем», – это цитата из Библии, из ее классического перевода.

Оказывается, на ютьюберов это правило тоже распространяется. Вот я, например, придумал, как снять крутейшее видео на свете, но никто не хочет мне в этом помочь.

– Что же вы так? – уговариваю я своих товарищей-видиотов, членов видеоклуба Хайавассийской средней школы. – Не может же быть, что вы все на сегодня записаны к зубному. Теория вероятности такого категорически не допускает!

– Хорошо, хорошо. Сдаюсь, – Хьюго Верберг покорно поднимает вверх руки. – Ни к какому зубному я не иду. А помогать тебе не хочу, потому что ты вообще не соображаешь, что делаешь.

– Тебе-то какая разница? Это моя проблема, а не твоя. Я же тебя в пекло лезть не прошу. Мне всего-то нужен напарник. Шошанна, может, ты?

– Ни за что, – отвечает она. – Добром твоя затея не кончится.

– Я впишу тебя в титры как сопродюсера, – пытаюсь подольститься я.

– Всю жизнь мечтала. Когда нас с тобой арестуют, это поможет полицейским правильно написать мое имя в протоколе. Я в эти твои игры не играю и тебе, Брендан, советую заканчивать. Если, конечно, у тебя хоть немножко мозгов осталось.

То есть снова отказ. Мне отказали Хьюго, Шошанна, Бартон и все остальные члены видеоклуба. А Мориша вдобавок порекомендовала обратиться к психиатру.

Я стою, устало прислонившись к своему шкафчику, а они все расходятся по своим делам, бросают меня на произвол судьбы. А как же товарищеская солидарность? Командный дух? Творческое горение? Предательство – это больно, но еще больнее мне будет отказаться от своего замысла. Видео, которое я придумал, имеет все шансы покорить интернет. Но для этого его надо сначала снять.

Я оглядываюсь по сторонам – школьники укладывают рюкзаки и собираются домой. Есть ли среди них мои знакомые? Собственно, я знаю почти всех, но никто в мою сторону не смотрит и уж тем более не ловит моего взгляда. По не очень понятным мне причинам большой популярностью я в школе не пользуюсь. Хотя я, казалось бы, и отличник, и президент видеоклуба, и уже два года подряд побеждаю в академическом десятиборье. Если вдуматься, по тем же неясным причинам одноклассники не выстраиваются в очередь, чтобы спросить, что я делаю сегодня после школы, и вообще игнорируют мое существование.

Но тут на меня, понурившегося возле ящичков, падает чей-то заинтересованный взгляд. Вот я попал – это Чейз! Его-то как раз и не хватало для идеального завершения так чудно прошедшего дня. Нечего говорить, что никакого видео мне сегодня уже не снять. Главное, чтобы он не повесил меня за резинку трусов на крючке в девчачьей раздевалке.

Чейз смотрит на меня, нахмутив брови, будто соображает, где он меня раньше видел. Странное, наверно, ощущение, когда никого не узнаешь в родной школе и понимаешь при этом, что ты всех, по идее, должен знать. В такой ситуации любое мало-мальски знакомое лицо – даже мое – должно резко выделяться на общем фоне.

– Столовая, – подсказываю я. – Мы с тобой чуть было не пообедали вместе. Меня зовут Брендан.

Напряженность на его лице сменяется застенчивой улыбкой узнавания. Рука у него больше не на перевязи, и даже ссадины на физиономии почти прошли.

– Чейз, – представляется он.

С ума сойти как смешно.

– Тебя тут все знают.

Разве мог я забыть это лицо, столько раз являвшееся мне в кошмарах? Теперь, когда Джоэл Уэбер уехал из города, у меня были все шансы заменить его в качестве любимой мишени. Так что стоило, наверно, сказать, что меня зовут Харольд. Но увы, поезд ушел.

С другой стороны, поговаривают, что из-за травмы головы Чейз перестал играть в футбол. И вообще по сравнению с прошлым годом заметно изменился. К тому же трудно так уж сильно бояться человека, которому ты помог порезать куриную грудку.

Так или иначе, я решаюсь на отчаянный шаг.

– Кстати, Чейз, ты после уроков что делаешь?

Он пожимает плечами.

– А что?

Я продолжаю испытывать судьбу.

– Понимаешь, я придумал ролик для Ютьюба, но чтобы его снять, мне нужен напарник. Не поможешь?

«Брось! Перестань!» – вопит при этом мой внутренний голос. Одно дело просто обитать в одном мире с Чейзом Эмброзом и ему подобными. И совсем другое – подрядить его на дело, от которого отказались все остальные.

Слова «да» он так и не произносит, а просто берет и идет со мной. По дороге я объясняю ему суть дела. Услышав, что и как я собираюсь снимать, Чейз даже не интересуется, в своем ли я уме. Вместо этого он со смехом переспрашивает, серьезно ли я.

– Если вещь смешная, это еще не значит, что к ней можно несерьезно относиться, – отвечаю я. – Комедия – занятие очень серьезное. Если наш ролик получится смешным, это будет означать, что мы отлично поработали и все сделали как надо.

Он, похоже, внимательно обдумывает мои слова.

– Это-то я понимаю. Но ты скажи, внутрь же мне лезть не придется? А то с моим врачом истерика приключится, а с мамой – тем более.

Надо же, у Чейза Эмброза есть мама! А я-то всегда думал, что такие сверхпопулярные персонажи нисходят на Землю в столпе ослепительного света с Огромного Космического Корабля.

– Нет, это моя задача, – успокаиваю я его. – Тебе надо будет снимать второй камерой, и все.

Мы заходим ко мне домой за моим трехколесным велосипедом. Чейз пробует прокатиться на нем по улице и в результате чуть не лопается от смеха. Картина действительно смешная: рост у Чейза не маленький, поэтому колени, когда он крутит педали, достают у него чуть ли не до ушей.

На шум выглядывает мама. При виде моего спутника она тянется к телефону звонить 911. И ее можно понять. Обычно, стоит мне оказаться в компании таких вот чейзов, несколько минут спустя меня, ухватив за ноги, уже вывешивают из окошка высокого этажа.

– Мам, все в порядке, – успокаиваю я ее. – Чейз помогает мне с видеопроектором.

– Приятно с вами познакомиться, – вежливо говорит Чейз.

– Мы знакомы, – отвечает мама сквозь зубы.

Я спешу увести Чейза прежде, чем мама скажет что-нибудь такое, о чем я потом буду сожалеть. Мы с ним направляемся в центр города, наш пункт назначения – автомойка «Сияющий бампер» на Белл-стрит.

Я выдаю Чейзу клубную флип-камеру. Теперь он должен отвлечь работников мойки. Ни один из видиотов не справился бы с этой задачей лучше его. Он как-никак городская знаменитость – звезда спорта и сын звезды прошлых лет. Кроме того, все в городе знают, что приключилось с ним на летних каникулах. Поэтому внимание мойщиков ему гарантировано. Я тем

временем спокойно захожу за угол и закрепляю на голове свою собственную водонепроницаемую камеру «Гоу про».

Потом, вклинившись между двумя машинами, я загоняю свой трехколесный велосипед на конвейер, закрепляю колеса в специальных фиксаторах, сажусь в седло и включаю камеру. Сердце оглушительно колотится в груди, я весь напряжился в предвкушении.

Вот он и настал – момент истины.

Конвейер приходит в движение, и через несколько мгновений на меня обрушивается первый поток воды. Я еле сдерживаюсь, чтобы не закричать: вода оказывается холоднющей. К съемке на автомойке я готовился очень тщательно, перерыл гору информации, но мне в голову не приходило, что машины моют холодной водой. Я-то моюсь горячей – чем машины хуже?

От ледяного душа яростно колотится сердце – кажется, будто оно у меня не в груди, а где-то ближе к макушке. Дышу я так глубоко и часто, что в какой-то момент больше не могу сделать очередной вдох – некуда, воздух и так распирает грудь. Еще немного, и я потеряю сознание и свалюсь с велосипеда. Но тут душ прекращается. Судорожно хватая ртом воздух, я смотрю, что делается за стеклянной стенкой. Чейз на месте, снимает. Вот и отлично. А то вышло бы, что я мало того что подверг себя пытке, но и сделал это зря.

Передышка оказывается недолгой – меня с головы до ног, как мокрым снегом, облепляет мыльной пеной. После холодной воды для разнообразия включается ледяная. Едва за меня берутся две гигантские вращающиеся щетки, куда-то улетают мои очки, но это ерунда. Нашу-пываю рукой «Гоу про» и убеждаюсь, что камера держится прочно. Боковым зрением – глаза жутко щиплет от моющего средства – я вижу, что Чейз по-прежнему снимает. Он весь трясется от неудержимого смеха, но камеру держит твердо, а это сейчас важнее всего.

Потом я снова чуть не задыхаюсь под студеными струями, ополаскивающими меня от пены. А немного спустя, уже в сушилке, мощный поток воздуха едва не сдувает меня с велосипедного седла. Как же я рад этому ветру! Во-первых, он горячий. Но главное, если он подул, значит, скоро все кончится. Значит, уже должен быть виден свет в конце тоннеля. А если я его не вижу, то только потому, что по милости щеток остался без очков.

Как только поднимается дверь моечного отсека, я что есть сил жму на педали и чуть не врезаюсь в Чейза. Он ни на миг не прекращает съемку и снимает, даже когда, выключив механизмы, к нам подбегает разъяренный менеджер.

– Эмброз, совсем, что ли, сдурел? – вопит он. – Ты же его убить мог! И если бы в первый раз! Сколько народу из-за тебя чуть насмерть не покалечилось. Даже странно, что ты заодно тут у меня пару петард не взорвал. С меня хватит, я вызываю полицию.

– Чейз не виноват, – наконец удается прохрипеть мне. – Это все я. – Из последних сил я пытаюсь объяснить ситуацию: – Это была моя идея. Я придумал снять видео и попросил Чейза помочь.

– Брендан? – Менеджер удивленно шурится на меня. Промокший до нитки, полуживой да еще вымазанный какой-то склизкой гадостью – видать, меня в довершение всего обработали кузовным воском – я мало похож на обычного себя. – Это ты? Как тебе такая дурь в голову пришла?

– Я президент видеоклуба Хайавассийской средней школы, – объясняю я.

Со взрослыми обычно легче договориться, если внушить им, что у тебя школьное задание.

Уловка срабатывает, тем более что я обещаю поместить рекламу «Сияющего бампера» на страничке с ежегодником нашего видеоклуба. Да, меня немного оборали, но главное, о полиции больше никто не заикается. Менеджер даже посылает рабочего поискать среди моечных механизмов мои очки. Они находятся в целости и сохранности, если не считать малюсенькой трещинки на правом стекле.

Мы направляемся ко мне домой. Я еду на велосипеде, так как пока что у меня нет сил идти. Чейз несет драгоценный груз – две камеры с отснятым материалом.

– Прости, Чейз, – виновато мямлю я. – Не хотел втравливать тебя в неприятности.

Чейз смотрит на меня, удивленно подняв бровь.

– По-моему, ты меня как раз от неприятностей уберег.

– Я всего лишь сказал правду – что все от начала до конца придумал я.

– Этот тип меня чуть в полицию не сдал.

– Такая уж, – говорю, – у тебя репутация... – Упс! – Я хотел сказать, твоя прошлая репутация... которую ты заработал штуками, о которых теперь, скорее всего, даже не помнишь. – Измочаленный в мойке, я плохо слежу за языком – и вот только что выкопал им себе могилу.

Чейз качает головой:

– При чем тут моя репутация? Судя по тому, как с тобой разговаривал человек с мойки, это ты тут известная личность.

Я потрясен. Слава умника и пай-мальчика никогда не грела мне душу. Я даже мысли не допускал о том, чтобы тягаться с Чейзом – спортсменом, грозой и кумиром школы. Но именно моя репутация, а не его помогла нам невредимыми выбраться из переделки.

Дома мы умудряемся незаметно проскользнуть наверх. Попадись я на глаза маме, она ни за что бы не поверила, что Чейз тут ни при чем, что он не топил меня в реке и не бил мне по очкам молотком.

Сначала я даже думаю, чтобы не терять времени, не переодеваться и остаться в мокром – так мне не терпится посмотреть, что же мы наснимали. Вдобавок я все еще боюсь, что Чейз заскучает и уйдет. Но он никуда не уходит – значит, соображаю я, проект увлек его не меньше, чем меня.

Видео с «Гоу про» получилось абсолютно безумное: буйные вихри мыльной пены, потоки воды и мои глухие стенания. Не помню, чтобы я издавал такие звуки – наверно, это я пытался позвать на помощь, но ничего членораздельного выговорить не мог. Кроме того, оказывается, меня колошматило и мотало из стороны в сторону гораздо сильнее, чем я помнил. Чудо, что я вообще удержался в седле. Самый мощный момент – когда появились щетки. Больше всего это было похоже на то, как если бы на меня набросились два вращающихся вокруг собственной оси персонажа из книжки «Там, где живут чудовища».

Потом мы смотрим материал, отснятый Чейзом со стороны. Вот я отчаянно вцепился в руль, будто боюсь, как бы меня не унесло в космическое пространство. Под потоками ледяной воды я конвульсивно извиваюсь всем телом, словно исполняю танец живота – только в три раза быстрее обычного. А когда врубается могучая сушилка, кожа лица под струями горячего воздуха плотно облепляет кости лицевого отдела моего черепа. Видео получилось блестящее, и в этом, надо признать, большая заслуга Чейза. Он прямо-таки прирожденный оператор.

Мы смеемся как сумасшедшие – на экране наше приключение выглядит намного смешнее, чем в жизни. Я показываю Чейзу, как монтировать видео на компьютере, как добиваться максимальной выразительности, комбинируя планы, снятые двумя камерами. Когда, например, сразу после фрагмента, снятого на «Гоу про», дергано и беспорядочно шарящей по всей мойке, идут кадры, на которых меня мотает из стороны в сторону, а я из последних сил пытаюсь усидеть в седле, – это прикольно, так как сразу понятно, почему видео из внутренностей мойки такое дерганое и хаотичное. Чейз все схватывает на лету и даже сам придумывает всякие фишки. Например, предлагает, когда дело доходит до вращающихся щеток, разделить экран пополам и параллельно давать видео с обеих камер.

Наконец видео смонтировано, мы подкладываем музыку – знаменитый «Полет валькирий» – и заливаем клип на Ютьюб. Называется он «Как помыть трехколесный велосипед», сопродюсерами его значатся Брендан Эспиноза и Чейз Эмброз. За упоминание в титрах он, честное слово, говорит мне спасибо.

Закончив, мы смотрим клип на всех устройствах, какие есть в доме: на компьютере, на моем и его телефонах, на айпаде и даже на телевизоре с помощью хромкаста. И он нам не надоедает. Если клип не станет вирусным, значит, в мире – или, во всяком случае, на Ютьюбе – нет справедливости.

– Ничего смешнее в жизни не видел, – уже на пороге говорит Чейз, не переставая улыбаться.

Клянусь, он прямо как младенец из детского сада, которому дали хитро сделанную звездушку из воздушных шариков.

– Уверен? – не подумав, спрашиваю я. – Ты же наверняка много чего видал и теперь просто не помнишь.

Он несколько мгновений удивленно смотрит на меня – я уже предвкушаю, как получу по уху тяжелым рюкзаком с учебниками.

– Верно подмечено, – наконец говорит Чейз. – Но клип все равно отпадный.

Но мы с моим болтливым языком не знаем удержу и никогда не можем вовремя остановиться.

– А знаешь, у нас в школе есть видеоклуб. Тебе к нам прямая дорога – с твоими-то операторскими навыками.

Это, похоже, самая глупая фраза, произнесенная мной за всю мою жизнь. Чейза Эмброза и его футбольных друзей хлебом не корми – дай только потерроризировать слабаков вроде нас, видиотов. Позвать его в видеоклуб – все равно что пригласить акулу на суши.

– Когда ближайшая встреча? – спрашивает Чейз с широкой улыбкой.

Глава седьмая

Шоанна Уэбер

Он сделал это! У этого чокнутого все получилось!

Мы смотрим клип «Как помыть трехколесный велосипед» на интерактивной доске в кабинете мисс ДеЛео. Брендан на самом деле молодец – поставил перед собой цель и шел к ней до конца, невзирая на товарищей по видеоклубу, которые советовали бросить эту затею и заняться чем-нибудь другим. И вы знаете, получилось у него просто-таки блестяще! В жизни не видела ничего уморительнее. Он чудом там не погиб, но зато теперь, живой и здоровый, сияя, как счастливый отец новорожденного, представляет свой труд на суд восхищенных зрителей.

У руководительницы клуба, мисс ДеЛео, от смеха текут слезы по щекам.

– Брендан, это ж надо было до такого додуматься!

– А что? Совсем тяжело было, только когда холодная вода включилась, – говорит он. – Но оно того стоило.

Когда под достигшую крещендо музыку велосипед вырывается из недр «Сияющего бампера», мы разражаемся бурными аплодисментами. Брендан кланяется, к его лицу намертво пристала глуповатая улыбка.

На экране появляются титры: «Продюсеры Брендан Эспиноза и Чейз Эмброз».

Чейз Эмброз?!

Аплодисменты, как по команде, стихают.

– Это такая шутка, да? – робко спрашивает Мориша Дандар. – Ну, вроде как «Продюсеры Уильям Шекспир и Микки-Маус»?

– Нет, не шутка, – говорит Брендан. – Вы все отказались мне помогать, а он согласился.

– Как тебе вообще в голову пришло к нему обратиться? – От бешенства я почти не сообщаяю, что говорю. – Или тебе просто жить надоело?

– А по-моему, главное, что клип снят и что он получился чудесный, – пытается разрядить ситуацию мисс ДеЛео.

– Жить мне не надоело, – отвечает Брендан. – И знаешь, я очень рад, что позвал Чейза – он великолепно отработал второй камерой. Может быть потому, что он спортсмен, у него замечательно твердая рука. Тверже, чем у любого из нас, включая меня. Нам такой человек нужен.

При мысли о том, что он сейчас скажет, мне становится физически нехорошо.

– Нет, ты не мог!

– Мог – и пригласил его вступить в клуб, – говорит Брендан.

Все разом начинают говорить. В общем хоре я от злости не могу расслышать подробности. Но понятно, что каждый рассказывает о какой-нибудь гадости, которую сделал ему Чейз, иногда в компании с Эроном и Питоном. Случаев таких море, поэтому рассказам нет конца.

– Понятно, понятно! – Брендан поднимает руки, призывая народ успокоиться. – Меня эти ребята тоже доставали. И посильнее, чем некоторых!

Уж не сильнее, чем моего несчастного брата, думаю я.

– Но послушайте, – продолжает Брендан. – Чейз Эмброз, который помогал мне снимать видео, – не тот человек, о котором вы все тут говорите. Летом он упал с крыши и у него отшибло память, случилась полная амнезия. Может быть, он забыл, каким гадом был.

– Отличная версия – особенно из уст человека, который проехал через автомойку на трехколесном велосипеде и поэтому считает себя дико умным, – говорит Хьюго.

Но Брендан продолжает свое:

– Нет, на самом деле мы вчера отлично все провернули. От него было много пользы. Какие-то вещи он сам придумывал. И вообще с ним было славно. Он очень изменился.

У меня перед глазами стоит красный туман. Сквозь него я вижу, как Джоэл пакует чемодан перед отъездом в интернат.

– Если бы не этот злобный придурок, мой брат был бы сейчас здесь с нами! – напоминаю я Брендану. – Не надо нам твоего Чейза!

– Стоп, хватит, – перебивает меня мисс ДеЛео. – Школьные клубы открыты для всех. Никакого отбора мы не проводим. Если ученик хочет вступить, мы его принимаем. Все очень просто.

Атмосфера в комнате наэлектризована – я в бешенстве, Брендан вопреки всем гнет свое, учительница спокойна, но непреклонна, остальные в разной степени возмущены, недовольны или раздражены на всех вокруг. И тут, среди этого бурления, раздается голос:

– Я опоздал? И что-то пропустил?

Это он – мой враг.

Он входит с растерянной улыбкой на лице. И застаёт меня врасплох, безоружной, без верного стаканчика замороженного йогурта в руке.

– Добро пожаловать, – говорит ему мисс ДеЛео. – Брендан только что показал нам ваше с ним новое видео. Мы рады, что ты решил к нам присоединиться.

Чейз останавливается в нерешительности. От него, похоже, не укрылся контраст между радушием мисс ДеЛео и напряженно-враждебными позами остальных. А позы и выражения лиц были вполне выразительными – не хватало разве что таблички «Вход воспрещен». Наткнувшись взглядом на меня, он опасливо отступает на шаг. Страх ему очень к лицу. И кое-что, выходит, он все-таки помнит – например, то, что я его люто ненавижу.

– «Как помыть трехколесный велосипед» – это бомба! – говорит ему Брендан. – И смотри, у нас уже сорок шесть просмотров на Ютубе. Я надеялся, видео сразу станет вирусным, но, наверно, надо еще подождать.

– Вирусным, к твоему сведению, называют видео, которое распространяется быстро, как вирус, – мрачно вставляю я.

– Одни вирусы распространяются быстрее, другие – медленнее, – отвечает мне Брендан.

– А чем конкретно вы здесь занимаетесь? – спрашивает Чейз. – В смысле, когда не ездите по автомойкам на трехколесных велосипедах?

Его вопрос снова неприятно меня задевает. Так, значит, вот за кого он нас держит – за кучку упертых фанатиков, которые ваяют какую-то слабоумную чушь и называют ее шедевром. Ну да, Брендан у нас немножко чокнутый, но при этом он самый умный в школе. Но тупому громиле вроде Чейза не дано оценить человека, призванного сделать мир лучше. Кстати, самый простой способ исправить мироздание – это выпилить из него Чейза Эмброза.

– Ну, например, некоторые из нас готовятся участвовать в Национальном конкурсе по видеожурналистике, – отвечает Чейзу мисс ДеЛео.

– Некоторые – это одна Шошанна, – уточняет Брендан.

– Если бы ты ненадолго оторвался от своего Ютуба, – говорю я, – ты бы понял, что такого случая пропустить нельзя. В этом году тема конкурса – очерк о пожилом человеке, которому есть что рассказать о своей жизни. Это должно быть интересно нам всем.

– Боюсь, у меня ни одного знакомого старика нет, – говорит Чейз.

Ну конечно. Он наверняка как со стариком познакомится, так сразу его под машину толкает.

– Еще мы делаем видеоежегодник нашей школы, – продолжает учительница. – На этом проекте ты можешь испытать свою хватку.

От ее слов я поеживаюсь: Чейз часто представлялся мне в образе горного льва, мертвой хваткой вцепившегося в бездыханную жертву.

– Из чего состоит ежегодник? – спрашивает Чейз.

– В основном из интервью с учениками, – влезает в разговор Хьюго. – Так намного интереснее, чем просто портреты с подписями.

Сказав это, он вспоминает, кто перед ним, и быстро прячется за чужие спины. По опыту моего брата мы все знаем, что внимание Чейза лучше к себе не привлекать – сам он тебя не заметит и поэтому зла не причинит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.